

УДК 821.161.1-31. DOI: 10.26170/2071-2405-2024-29-2-73-81. ББК Ш33(Рос=Рус)64-444.
ГРНТИ 17.07.29. Код ВАК 5.9.3

ТРАНСФОРМАЦИЯ КНИЖНОЙ КУЛЬТУРЫ В СОВРЕМЕННОЙ АНТИУТОПИИ: ФЕТИШ, КОНЦЕПТ, СИМУЛЯКР

Блищ Н. Л.

Университет МГУ-ППИ в Шэньчжэне (Шэньчжэнь, КНР)

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-3147-9099>

SPIN-код: 2453-9699

А н н о т а ц и я. Статья посвящена современным русским романам, в которых затронута проблема мутации человеческого сознания, более неспособного различить подмену или деформацию художественных ценностей, некритически принимающего даже откровенную симуляцию культуры. Если в антиутопиях XX века происходило заострение проблемы социально-исторических отношений и конфликта власти и человека, то в антиутопиях XXI века запрограммирован протест сознания свободно мыслящего читателя против навязанных ему фетишей, концептов и симулякров. Проблема угнетения и подавления личности, лишения ее свободы выбора сохраняется, но интерпретируется художниками более изощренными способами, позволяющими контролировать инакомыслие и управлять сознанием человека. В антиутопии Т. Толстой «Кысь» (2000) показана история превращения книги из учебника жизни в коллекционный фетиш, не имеющий интеллектуальной и эстетической ценности, не способный научить героев думать. В романе В. Сорокина «Манарага» (2017) книга – многозначный концепт, связанный и с рыночным продуктом, и с массовым искаженным восприятием подлинных смыслов. В антиутопии В. Пелевина «TRANSHUMANISM INC.» (2021) книга осмыслена как некая мнимость, как мерцающий симулякр, окончательно утративший свое исконное значение. Авторы этих антиутопий стремятся к различным метаязыковым опытам, связанным с пародийно-критической концептуализацией литературных стилей и жанров, к акцентированию мотивов утраты культурного кода, с которым тесно связана возможность свободного нравственного и интеллектуального выбора человека. Статья посвящена анализу металитературных переключек и стилистически схожих приемов симуляций и имитаций культурных кодов в антиутопиях Т. Толстой, В. Сорокина, В. Пелевина.

К л ю ч е в ы е с л о в а: антиутопия; книга; когнитивные искажения; симуляция, утрата культурного кода; свобода выбора; концепт; Т. Толстая; В. Сорокин; В. Пелевин

Д л я ц и т и р о в а н и я: Блищ, Н. Л. Трансформация книжной культуры в современной антиутопии: фетиш, концепт, симулякр / Н. Л. Блищ. – Текст : непосредственный // Филологический класс. – 2024. – Т. 29, № 2. – С. 73–81. – DOI: 10.26170/2071-2405-2024-29-2-73-81.

TRANSFORMATION OF THE BOOK CULTURE IN MODERN DYSTOPIA: FETISH, CONCEPT, SIMULACRUM

Natallia L. Blishch

Shenzhen MSU-BIT University (Shenzhen, PRC)

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-3147-9099>

A b s t r a c t. The article analyzes modern Russian novels addressing the problem of transformation of human consciousness which is no longer able to identify substitution or deformation of artistic values and uncritically accepts even an outright simulation of culture. While the dystopias of the 20th century highlighted the problems of socio-historical relations and conflict between power and man, in the dystopias of the 21st century, the rebellion of the consciousness of a free-thinking man against the fetishes, concepts and simulacra imposed on him is obvious. The problem of oppression and suppression of personality, deprivation of their freedom of choice remains, but is presented by writers in more sophisticated ways that allow them to control dissent and human consciousness. Tatyana Tolstaya's dystopia "Kys" (2000) shows the transformation of a book from a 'textbook of life' into a collectible fetish having no intellectual and aesthetic value and unable to teach the characters to think. In Vladimir Sorokin's novel "Manaraga" (2017), the book is a concept with multiple meanings associated with both a market product and distorted perception of true meanings by the masses. In the dystopia of Viktor Pelevin "TRANSHUMANISM INC." (2021), the book is interpreted as a kind of an imaginary entity, as a flickering simulacrum that has totally lost its original meaning. The authors of these dystopias use various metalinguistic experiments associated with parodic-critical conceptualization of literary styles and genres and emphasize the motives of the loss of the cultural code which is closely linked to the possibility of a person's free moral and intellectual choice. The article analyzes metaliterary references and stylistically similar techniques of simulations and imitations of cultural codes in the dystopias of Tatyana Tolstaya, Vladimir Sorokin and Viktor Pelevin.

Key words: dystopia; book; cognitive distortions; simulation and loss of cultural code; freedom of choice; concept; Tatyana Tolstaya; Vladimir Sorokin; Viktor Pelevin

For citation: Blishch, N. L. (2024). Transformation of the Book Culture in Modern Dystopia: Fetish, Concept, Simulacrum. In *Philological Class*. Vol. 29. No. 2, pp. 73–81. DOI: 10.26170/2071-2405-2024-29-2-73-81.

Мрачные миры современных антиутопий чаще возникают не под воздействием политических, экологических или техногенных катастроф, хотя в сюжетах эти аспекты, как правило, все еще значи-

мы. Апокалиптические картины в большинстве случаев теперь связаны с последствиями утраты культурного кода и с трансформацией книжной культуры. Современные художники больше сосре-

доточены на деградации исторической культурной памяти. Жанровые трансформации и политико-философские аспекты антиутопий начала XXI века прекрасно исследованы в ряде актуальных работ¹. Мы же хотим сосредоточиться на металитературных переключках и схожих мотивах в произведениях С. Соколова, Т. Толстой, В. Сорокина, В. Пелевина.

Антиутопия тесно связана с социологией, политологией, культур-философией и антропологией, поэтому в литературоведении и существуют разные трактовки этого жанра: от «трагической пародии утопии» [Павлова 2006] или «вторичной художественной условности» [Ковтун 2005] до «жанрово-автономного образования» [Воробьева 2009] и «постантиутопии» [Комовская 2014]. Мы идентифицируем антиутопию прежде всего как текст, «высмеивающий воображаемые социальные порядки и имеющий своей темой ложность любой идеологии» [Латынина 1992], а также как текст, который стремится к сложной интерпретации заведомо искаженно организованного квазимира.

Антиутопия «Кысь» Т. Толстой о последствиях утраты культурного кода

Тему взаимоотношений персонажей и книги в романе Т. Толстой можно исследовать бесконечно. Действительно этот роман «ознаменовал возрождение новой отечественной антиутопии “нулевых”» [Оробий 2014: 448]. Нам важен металитературный аспект, вернее степень влияния характеров, изображенных Т. Толстой, на творчество В. Сорокина и В. Пелевина. Именно «перерожденцы» Толстой как носители неразвитого сознания, способные лишь на плоские обобщения, прижились и надежно прописались в ряде романов-антиутопий XXI века. Очевидна схожесть антиутопического мировоззрения писателей: чаще и чаще они изображают героев, принимающих за истину то, что на самом деле является бредом, безумием, продуктом пропаганды и т. д.

Обратная перспектива развития человечества напрямую связана с отменой аксиологической и эстетической значимости книги. По сюжету антиутопии все ценности цивилизации и культуры безвозвратно утрачены, а уцелевшие бумажные книги сосредоточены в руках правящей диктатуры. «Санитары» занимаются очищением нового общества от остатков книжной культуры. Искоренение свободомыслия протекает будто по рецепту грибоедовского Фамусова: «Уж коли зло пресечь, забрать все книги бы да сжечь» [Грибоедов 1986: 105].

Мотив книги словно разделяет героев на тех, кто родился после взрыва («голубчиков»), и тех, кто жил до взрыва («прежних» и «перерожденцев»). «Прежние» пытаются хранить осколки культурного наследия прошлого, но они уже не способны ничего изменить. В ценности «перерожденцев»

книга не входит, они вспоминают исключительно материальные блага: «Помидорки кубанские, огурчики эстонские с пупырешками... Иваси с лучком... Чай со слонном... Зефир бело-розовый... Пьяная вишня куйбышевская... Дынька самаркандская...» [Толстая 2001: 208–209]. Мир «перерожденцев» измеряется не прочитанными книгами или впечатлениями от путешествий, музеев или концертов, а физиологические конкретными удовольствиями, их речь упрощена и примитивна. В новой реальности «перерожденцы» служат у богатых голубчиков, их буквально запрягают в сани и бьют кнутом, держат в хлеву, что окончательно приравнивает их к категории скота: «Волосатые, черные, – страсть. Вся шерсть по бокам в колтуну свалыжи. Морды хамские. Кто о прутья бок чешет, кто поило из жбана лакает, кто сено жует, кто спать завалился, а трое в углу в берестяные карты дуются, переругиваются» [Толстая 2001: 196].

Книга – мощное средство психологический характеристики главного героя: она обнажает синкретический примитивизм нового типа сознания, лишенного способности к сложным когнитивным и логическим операциям, а также к критическим суждениям. Голубчик Бенедикт в начале романа пребывал в счастливом для него бытовом и мировоззренческом средневековье: топил печь дровами, питался мышами да переписывал, подобно герою «Шинели», в берестяные тетради чернилами из болотной ржавы малопонятные ему тексты. Образ Бенедикта по ряду признаков, как уже было отмечено исследователями [Давыдова 2002: 28] соотносим с булгаковским Шариковым: такое же неисправимое нежелание развиваться, самодовольное бахвальство; Шариков поступает в отдел по очистке от бродячих животных, Бенедикт – в санитары, чтобы контролировать инакомыслие. Кошачьи и мышь интертекстуальные подсветки становятся сюжетно значимыми: металитературной отсылкой к сказке А. Н. Толстого «Золотой ключик» становится в «Кыси» не только борьба с мышами, но и мотив изготовления деревянного истукана Пушкина. Однако если волшебное полено в талантливых руках добрейшего папы Карло превращается в задорного Буратино, то глухая колода под тупым топором Бенедикта – в кривоватого с плоским затылком шестипалого идола, которого создатель считает Пушкиным.

Родившееся после взрыва поколение уже утратило цивилизационный культурный код, оно не способно к восприятию искусства. В книгохранилище главного санитаря Бенедикт обнаруживает альбом по изобразительному искусству – «цельная книга цветных картинок»: на картинах «бабы голые, розовые, – и на траве сидят, и на тубарете, и в раскорячку, и по-всякому! Которые тощие, как метла, а другие ничего, полненькие. Одна вон на лежанку лезет и одеялку откинула...» [Толстая 2001: 228]. Читатель вынужден как бы невольно переводить «искусствоведческий» дискурс героя в иной семиотический контекст, подбирая адекватную цепочку сюжетов с натурщицами: возможно, Бенедикт рассматривает репродукции картин «Завтрак на траве» Эдуарда Мане, «Обнаженная в кресле» Роберта Фалька и

¹ См.: Русский проект исправления мира и художественное творчество XIX–XX веков: коллективная монография / Б. Ф. Егоров [и др.]; отв. ред. Н. В. Ковтун; М-во образования и науки Российской Федерации, Сибирский федеральный ун-т. М.: Флинта; Наука, 2011. 400 с.

какой-то из вариантов «Красавиц» Б. Кустодиева. Диминутив «одеялко» отсылает к той работе Б. Кустодиева, где героиня, пышнотелая красавица, сидит на сундуке (чем не лежанка? Вспомним, что Шариков любил спать на «лежанке» в кухне) на пуховых перинах с откинутым розоватым кружевным одеялом. Следующий экфрасис отсылает уже к советской живописи: «Полистал дальше, – мужики какие-то идут себе куда-то, идут, идут, с граблями, – должно, репу сажать» [Толстая 2001: 228] Это искаженная интерпретация картины А. Дайнеко «Оборона Петрограда», сюжет которой посвящен победе Красной армии в гражданской войне, носит скрытый иронический намек: армия рабоче-крестьянская, значит, идут «мужики». На нижнем переднем плане изображены бодро шагающие добровольцы с ружьями («граблями»), на дальнем плане – измотанные и раненные после сражения бойцы. Картина Г. Гольбейна «Послы» в простонародной интерпретации Бенедикта выглядит так: «Мужики сурьезные, важные, на голове шапка блином, на груди цепь желтая, рукава пышные, как у бабы» [Толстая 2001: 228].

В антиутопии показаны герои с ограниченными чувственными и рациональными способностями, напрочь лишённые воображения и фантазии, способные лишь на заведомо ложные плоские обобщения. Вспомним, как Бенедикт придумывает свою систему классификации книг в библиотеке. Логика подбора мотивирована не содержанием книги, а ассоциативно. Так, авторы разных профессий, эпох, различной значимости объединяются в список исключительно по принципу энтомологических или орнитологических гнезд: «Мухина, Шершеневич, Жуков, Шмелев, Тараканова, Бабочкин...»; «Орлов, Соколов, Сорокин, Гусев, Курочкин, Лебедев-Кумач, Соловьев-Седой» [Толстая 2001: 247]. Бенедикт ставит в один ряд писателя-эмигранта, автора трагической книги о гражданской войне «Солнце мертвых» Шмелева и советского военачальника Жукова. Конфигурация фамилий «Молотов, Топоров, Пильняк, Гвоздев» [Толстая 2001: 247] продиктована логикой инструментария плотника (молот, топор, пила, гвозди). Однако Пильняк только по звуковому принципу соотносится с пилой, поскольку фамилия этимологически восходит к значению «сторожить». Но мы помним, что Бенедикт, кроме федор-кузьмичского наречия, никаких других языков не знает.

Таким образом, антиутопия Толстой предупреждает о последствиях утраты культурного кода: произойдет тотальное оглушение населения города, а примитивное сознание будет открыто любой пропаганде. Вот почему большинство героев антиутопии склонно к агрессии, использует язык вражды, демонстрируя ненависть и нетерпимость, а вовсе не маниловское «парение».

Проблема когнитивных искажений и симуляции культуры в антиутопии В. Сорокина «Манарага»

Как и в антиутопии Т. Толстой «Кысь», в книге «Манарага» В. Сорокина создается картина неопределенного будущего, в котором безвозвратно

утрачены книжная культура и ценностные ориентиры прошлого. «С тех пор как человечество перестало печатать книги и навсегда сделало лучшие из них музейными экспонатами, book'n'grill появился на свет <...> Девяносто процентов отпечатанных человечеством книг были сданы в утиль или просто выброшены на помойки, чтобы не занимали пространство в квартирах» [Сорокин 2017: 7]. Доминантной становится проблема когнитивных искажений, симуляции культуры и грядущего самораспада сознания человека. В цифровом мире бумажная книга превращается в вещь-товар (полено, дрова) для общества потребителей стейков на гриле. Аксиологическая и эстетическая девальвация книги связана с обесцениванием самой способности думать, что концептуально значимо для распознавания интертекстуальных литературных загадок в тексте.

Трудно не согласиться с исследователями, что сюжетный либрид – это сюжетно-смысловой интертекстуальный мост, связывающий фантастический сюжет В. Сорокина о book'n'grill с известными произведениями мировой литературы², однако напомним, что именно проблема искажения культурного кода выступает в романе на первый план. Если в романе М. Сервантеса библиотеку Дон Кихота цензурят священник и цирюльник, а затем отправляют в костер книги, ставшие источником «безумных» идей героя, то в антиутопии Сорокина мотив сжигания книг продиктован совершенно иными причинами, а сама связь с романом Сервантеса обозначена лишь названием ресторана «Дон Кихот» и моделью кухонной печи «Дон Кихот». Разумеется, первое издание книги «Дон Кихот» сжигают для поджарки каре барашка: блюдо и книга коррелируются в семантическом поле жертвы. Книги служат уже не интеллектуальным, а гастрономическим удовольствиям и массовой моде на book'n'grill. Мотив сожжения рукописей помогает подключить русскую литературную традицию: в читательской памяти оживают творческая история второго тома поэмы Н. В. Гоголя «Мертвые души» и стержневой мотив романа М. Булгакова «Мастер и Маргарита». Именно эти произведения придают интертекстуальную гравировку антиутопии Сорокина.

«Умные блохи», вмонтированные в голову героя романа повара Гезы Яснодворского, собирают хаотичную информацию о кухне и литературе, подобно тому, как работают нейросети. «Умная блоха» у Сорокина – это образная вариация голосовых помощников из цифрового мира (например, Siri на устройствах Apple, Alexa в аудиоприборах Amazon или Алиса в приложении Яндекс). Интернет-текст не читают как книгу, его просматривают, вернее «прыгают» по заголовкам, гиперссылкам, абзацам. Чтение книги, предполагающее напряженную духовную интеллектуальную работу, заменяется на беглое, сугубо информационное ознакомление. Компрессия и редукция – основные

² Турышева О. Н. Сожжение книг: новая семантика старого мотива на материале романа В. Сорокина «Манарага» // Филологический класс. 2018. №2 (52). С. 141–145.

принципы создания текста нейросетью, причем в подобном тексте весьма часто встречаются когнитивные искажения. Примером может послужить представление героя-повара у Сорокина о Санкт-Петербурге, как о «... красивом городе, построенном царем Петром на костях русских крестьян. Блоха собощает, что крестьян в то время целыми деревнями сгоняли, вываривали в огромных котлах, кости дробили, мололи в муку, добавляли образовавшийся во время варки клей, гальку и получали так называемый русский бетон» [Сорокин 2017: 58].

Книга как метафора еды и удовольствия – троп, закрепленный и в русской языковой картине мира, а смысловые узлы, связывающие писательство с поварским ремеслом, а литературу с кухней, встречаются в истории литературы довольно часто³. Взаимозаменяемость писательского и поварского искусства – основная тема и в сборнике рассказов В. Сорокина «Пир», ну а смысловые пары «массовая литература – фастфуд» и «классика – высокая кухня» нередко организуют критический дискурс вокруг творчества писателя.

В символическом «меню» сорокинской антиутопии названия блюд, приготовляемых Гезой Яснодворским, тесным образом связаны с книгой, которая служит «дровами» для гриля. Смысловой подтекст сочетания блюда и книги обращен к штампам массового сознания и содержит ряд спланированных изящных неточностей. Например, «устрицы под пармезаном» герой готовит на «Мертвых душах». Сочетание блюда и книги подразумевает отсылки к гастрономическим фантазиям Собакевича («Я знаю, на что устрица похожа») и предпочтениям самого Гоголя, который любил пармезан. А вот «сухой стейк из солнечника», приготовленный на книге «Старик и море» для «богатых дурачков», провоцирует иронический интерпретационный контекст. В рассказе Э. Хемингуэя старик Сантьяго три дня борется в открытом море с гигантской рыбой марлин (лат. *Macaira nigricans*). Псевдо-гурманов обманывают, подменяя ценного марлина дешевым солнечником (лат. *Zeus faber*). Тот же комический эффект с подменами морских существ создается в случае приготовления «стейка из тунца» на «Моби Дике». В книге Г. Мелвилла герой становится китобоем для того, чтобы найти и убить злобного кита по кличке Моби Дик. Приготовление «стейка из мраморной говядины» на романе «Подросток» вызывает стойкую ассоциацию с технологией производства мраморной говядины: используется мясо молодых бычков (подростков), которых усиленно кормят и удержи-

вают в неподвижности.

Описывая гастрономическое разнообразие приготовленных book'n'grill блюд, В. Сорокин вступает в стилистическое соревнование с Сашей Соколовым. Герой Сорокина вскользь перечисляет блюда и книги поэтов, послужившие «дровами»: «... конские тестикулы на Маяковском, телячьи ноздри на Пастернаке» [Сорокин 2017: 22]. Мгновенно вспоминаются анималистические автопроекции обоих поэтов. Лирический герой В. Маяковского не раз сравнивает себя с уставшей лошадей, а нашумевшая статья В. Ходасевича о Маяковском называлась «Декольтированная лошадь». Иппологические характеристики Б. Пастернака не менее известны (вспомним, например, высказывание А. Ахматовой о нем: «Он, сам себя сравнивший с конским глазом...» [Ахматова 1990: 182]). Конский глаз, конечно же, – не телячьи ноздри, однако эпатажность этих фрагментов вполне соотносима с вычурными подробностями меню из романа С. Соколова «Палисандрия»: «Кафе располагало широким ассортиментом блюд. Фирменными считались *гланды тапира и аденоиды кабарги*» [Соколов 1985: 38]. Мастер изящных стилизаций, В. Сорокин не скрывает, что один из его учителей – Саша Соколов. Герой антиутопии «Манарага» повар Геза Яснодворский часто вспоминает «проницательного» и «мудрого» учителя «Zokal», да и другие русские повара в международной организации book'n'grill называют себя поварятами «из гнезда Zokal». Вспомним, что соколовский образ графомана Палисандра, называвшего себя «искусный словесный ткач П. Прелестный», послужил интертекстуальным источником для образов нескольких персонажей Сорокина, изготавливающих стилизации под классиков.

Весьма вероятно, что общее стремление Сорокина и Соколова к метаязыковым опытам, связанным с пародийно-критической концептуализацией литературных стилей и жанров, обусловлено еще и «орнитологическим» фамильным родством двух писателей с великим пересмешником – Н. В. Гоголем. Блестящие стилизованные пародии у Соколова не редкость: «Снобируя толпу почитателей, профланирует последний дворянский писатель Бунин, нобелевский лауреат» [Соколов 1985: 165–166]. Внутренняя рифма «снобируя – профланирует» вновь заставляет вспомнить о фирменном стилистическом приеме Сорокина, у которого неоднократно встречаются стилистически схожие пародийные портреты. Вот один из характерных портретных набросков: «Беру наугад неувесистое поленце “Я пришёл с Родины”. На обложке – бригитоловый автор с проспиртованным взглядом. Листаю. В начале. “Ванька пронёсся по засанной лестнице...”» [Сорокин 2017: 46]. Читатель немедленно опознает в этой пародии автора книг «Я пришел из России» и «Санька» Захара Прилепина. Весьма интересна аттестация творчества этого писателя героем-поваром: для него это не полено, а «постсоветский валежник» [Сорокин 2017: 47].

Геза Яснодворский считает, что мода на поджаривание стейков на книгах возникла благодаря роману Д. Джойса «Поминки по Финнегану». Этой

³ Приведем пример гастрономической метафоры из письма писателя Ивана Шмелева к философу Ивану Ильину. О преждевременной смерти Достоевского Шмелев писал: «Какой страстный, ре-жу-щий ум! Какой ... зонд! Как много читал! Подумать: умер в 60 лет! Что бы натворил!.. Ведь все – заготовка была, а “к столу” – то обеда так и не подал: все еще было в кухне! Ему, может быть, и легко, повару-то ... знает сыть-вкус (и как будет перевариваться), а “господа” (читатели) – обижены ... судьбой и кончиной повара. Все его творчество – только страпня, гениальная ... еще не вылит “пломбир” в форму, еще только больше соуса, а ... отбивные еще ждут плиты...». См.: [Ильин 2000: 337].

подробностью Сорокин отсылает к статье У. Эко, который считал, что Джойс «определяет наш универсум, уже не вовлекая нас в него», и предлагал читателю «заполнить пространство любым возможным содержанием» [Эко 2003: 455]. Характерно и «гастрономическое» определение В. В. Набокова, который метафорически обозначил этот роман Джойса как «бесформенную серую массу подложного фольклора, не книгу, а остывший пудинг» [Набоков о Набокове... 2002: 187]. Метафора произведения как состряпанного из прецедентных текстов и остывшего пудинга родила в концептуалистском мышлении В. Сорокина следующую ассоциацию: книга – сложносочиненное блюдо, приготовленное из множества других книг, переработанных огнем творческого сознания. Сжигание книги – это не буквальное ее уничтожение, а использование в качестве смыслового и стилистического топлива.

Так, например, возможности стилистической и сюжетной переработки самого увесистого набоковского романа выражены Сорокиным через гастрономические ассоциации его героя-повара: «Ада» – супертяжелое жирное полено, на нем жарить – одно удовольствие... На «Аде» можно приготовить любую комбинацию из морепродуктов на дюжину персон; *бараньи котлеты, перепела, рыба*й получатся в лучшем виде, она потянет и *седло косули*. Великая книга!» [Сорокин 2017: 42]. Это метафорическое «жирное полено» выдает тайный авторский рецепт изготовления текстов разной жанровой и стилистической природы: легко усваиваемые несложные рассказы похожи на дары моря, собрание прокрученных многократно сюжетов – на котлеты, а сложные в техническом исполнении тексты, создающиеся годами, – на охотничий деликатес.

Таким образом, в антиутопии «Манарага» В. Сорокина обозначена драма фактического исчезновения традиционной книжной культуры и литературы, показаны приемы и формы когнитивной деформации, разрушающей интеллектуальную цепь обмена информацией.

Выразительный пример неразличения традиционного для русской ментальности культурного кода встречаем в романе В. Пелевина в эпизоде, где волк-оборотень, генерал-лейтенант ФСБ Александр Серый знакомится с лисой-оборотнем Адель:

«Кстати, мы до сих пор не познакомились», – сказал он. – Александр. Можно Саша. Слышали про такого Сашу Белого? Ну а я – Саша Серый.

– Про Сашу Белого никогда не слышала. А вот Андрея Белого знала» [Пелевин 2009: 42].

Кругозор генерал-лейтенанта ФСБ ограничен знакомством с популярным в начале XXI века сериалом «Бандитский Петербург» (этот же фильм становится сюжетно-композиционной матрицей романа «Священная книга оборотня»), где главного героя-бандита зовут Саша Белый. Оборотень Адель демонстрирует более высокий интеллектуальный уровень: она знает об Андрее Белом – символистского начала XX века, авторе «Симфоний» в прозе и романов «Серебряный голубь» и «Петербург», в которых звучит тема оборотничества. Кстати,

В. Пелевин впервые называет книгу «рыночным симулякром» именно в романе «Священная книга оборотня».

Роман-антиутопия «TRANSHUMANISM INC.» (2021) как книга о симуляции культуры

Центральная идея романа «TRANSHUMANISM INC.» – мысль о том, что «человеческий мир иллюзорен» [Бодрийяр 2000], а все, что мы видим вокруг, – созданная кем-то симуляция, которую наш мозг привык воспринимать как реальность. О влиянии идей Ж. Бодрийяра на В. Пелевина убедительно высказывались исследователи [Федянина 2015; Богданова 2008]. В книге «TRANSHUMANISM INC.» идеи Ж. Бодрийяра интенсивно проиллюстрированы – в мотивных и сюжетных ходах, в образных переключках, в метафорических переносах. Это текст, имитирующий квесты и компьютерные игры, литературные алгоритмы и кинематографические матрицы; текст, который пестрит цитатами из религиозных писаний разных верований, из русской литературной классики и шлягеров массовой культуры. Эти же стратегии использовались Пелевиным в романах «t», «S.N.U.F.F.», «Айфак 10». Во всех романах речь идет о подмене словесного искусства подделками, а в «TRANSHUMANISM INC.» – подделками нейросети.

Основной сюжетно-композиционный принцип книги-симулякра – имитация узнаваемых антиутопий. События происходят в «Добром Государстве», где нанотехнологии достигли такого высокого уровня, что контролировать инакомыслие и управлять человеком можно при помощи церебральных чипов. Информационный большевистский центр «Открытый Мозг» отправляет в очипованный мозг нужную программу, форматирующую мысли и желания человека.

Особая роль в сюжете книги принадлежит организации, называющей себя «TRANSHUMANISM INC.». Это индустрия бессмертия, которая подключает мозг богатых и известных людей мира к нейросетевым кластерам, гарантируя им вечную жизнь в виртуальном мире. Метафора мозга, плавающего «медузой» в банке с «церебральным раствором», вызывает ассоциацию с чайным грибом, ставшим концептуалистским объектом, высмеивающим обязательный атрибут советского быта.

Итак, в новой трансгуманистской эпохе, изображаемой в антиутопии, сохранились лишь искореженные осколки книжной культуры: «литература как общественный феномен осталась в позднем карбоне» [Пелевин 2021: 42]. Картины социального упадка, деградации человечества в сторону потребления только массовой культуры, признаки разложения сознания, управляемого массмедиа, пропагандой, рекламой и соцсетями, напрямую связаны с утратой ценности высокой литературы. В новой реальности «были стерты все литературные алгоритмы», а «живые писатели уже век как вымерли с голодухи» [Пелевин 2021: 42].

В «TRANSHUMANISM INC.» сознание детей и подростков формируют обученные технике НЛП «коучи». В первой части антиутопии девочка Маня

в день рождения получает поэму, которая «*написана не нейросетью, а живым филологическим коучем*» [Пелевин 2021: 6]. Портретно неприглядный «филокоуч» театрально симулирует процесс создания «поэтического» текста, нанизывая слова, фонетически совпадающие с именем девочки: «*Моя Маня как money, Мои money как Маня*» [Пелевин 2021: 6]. Как тут не вспомнить героя антиутопии «Кысь», который расставлял книги по доступным ему признакам («*Чудо-дерево*»; «*Чума*»; «*Чумка у домашних животных*»; «*Чум – жилище народов Крайнего Севера*» [Толстая 2001: 246]).

Однако речитатив коуча – это нейролингвистический алгоритм, где ключевое слово – «мани» (деньги). Авторская ирония относительно старого плешивого филокоуча выражена весьма откровенно: «*его держали в лице для шика, примерно, как швейцара с длинной волнистой бородой*» [Пелевин 2021: 6]. Несколькими страницами текста антиутопии потрачено на создание симуляции урока в лице, где учитель самозабвенно излагает почти бессвязный логически материал: от критики футуристов и цитирования фельетона А. Бухова «Теоретики» – до футуристских представлений о женщинах, об андрогинности, о роли бороды и фаллоса в жизни женщины, наконец, о нейросети корпорации «TRANSHUMANISM INC.». Текст лекции демонстрирует все признаки манипулирования сознанием и внедрения в него сигналов, порождающих иную реальность: читатель по выборке некоторых слов припоминает и строки из стихотворения В. Хлебникова «*И когда девушка с бородой / бросит обещанный камень*» [Хлебников 1986: 170], и сценический образ Кончиты Вурст («Евровидение» 2014), созданный музыкантом Томом Нойвиргом.

Проблема манипуляции сознанием при помощи СМИ тесно связана с трансформацией книжной культуры. В этом романе Пелевина тема заявлена также прямолинейно: «*общество садится на информационную диету, определяемую олигархией*» [Пелевин 2021: 44]. Приемы имитаций дискурса СМИ автор транслирует через образы «медийных правдорубов» – «скоморохов», «стендап-комиков» и «крэперов», воплощающих собой условно фрондирующие массмедиа, влияющие в Добром Государстве на сознание молодежи.

У скоморохов нет «кукухи» (айфона), они живут в лесу и «*зарабатывают на тяге людей к забытой свободе*» [Пелевин 2021: 7]. Исполняемая скоморохами баллада – имитация патриотического дискурса в псевдонародной эротической аранжировке: «*... стонала Русь под половцами, стонала под печенегами – но знала врага, видела его лицо и даже со стрелой каленой в груди белья могла изогнуться с седла да полонуть его в ответ заветной казацкой шашкой...*» [Пелевин 2021: 7]. Своеобразно изложенная скоморохами история Руси, на которую все время посягают захватчики, заканчивается тем, что «вороги» поймали ее в сеть: «*Трепыхнулась она раз, трепыхнулась два – да больно крепко держало вервие...*» [Пелевин 2021: 8]. Возможно, что пелевинские скоморохи в вонючих полушубках и с цыганскими усами (кроме очевидных параллелей с эстрадой и поп-культурой) –

пародийное отражение роли проповедников конспирологических теорий, вроде учений о «буквице», в выполнении задачи оболванивания человечества. Стендап-комики и «крэперы» («рэперы») также изображены как существа необразованные, не способные к самостоятельному критическому мышлению, за ними «*прячется невидимая армия НЛП-технологов, воюющих за умы <...> молодежи*» [Пелевин 2021: 24]. «Медийные правдорубы» создают образ монополистического всемогущества Доброго Государства уже тем, что способствуют распространению пропаганды.

Еще одна характерная особенность современных антиутопий – появление в системе персонажей биороботов, или, как в романе Пелевина, «хелперов». Это самая низшая каста, у которой вместо мозга – церебронип, принимающий команды от контролирующей системы «Иван-да-Марья». Они так же, как и «перерожденцы» в романе Т. Толстой, живут в хлеву и едят из корыта. После последствий пандемии биороботы все еще носят на лице защитную маску. Эти герои, по выражению игуменитария Максимилиана, – «*твари бездушные, выращенные в рассоле сугубо для безмозглой работы – но имеют образ человечий, отчего смотреть на них бывает печально и тяжело...*» [Пелевин 2021: 166].

В последней главе антиутопии «TRANSHUMANISM INC.» наиболее ярко продемонстрировано превращение книги в симулякр. В трансгуманистском обществе книжная культура утрачена, но ее осколки адаптируются в сильно трансформированном виде для разных целей. В основе сюжета этой главы – имитация бунинской повести «Митина любовь», которая превращается в развлекательное приложение «Митина любовь» на интернет-портале «Сельские радости». Обращает на себя внимание рекламный текст по мотивам упомянутой повести, очевидно, составленный нейросетью, судя по сильным искажениям бунинских мотивов вперемешку с блоковскими и фетовскими: «*... летний отдых нервного молодого помещика, мучающегося вечными вопросами, под Музыка надвигающейся Революции; глубокая и волнительная чувственная гамма, которая затронет все регистры Вашего сердца. Чтение включено. Идеальный бэкграунд – лощина или овраг с кустами возле Вашего дома*» [Пелевин 2021: 170].

С повестью И. А. Бунина пелевинскую имитацию отдаленно роднят обстоятельства, предложенные Дмитрию для ролевой игры: овраг, сено, шалаш. Луковый запах тела воссоздан ароматизатором, красная точка вечерней звезды Антарес обозначена лазерной указкой, а пять рублей обращения учат биоробота-героиню произносить слово «шалаш» как «салаш», подражая бунинской крестьянке. Повторяются также фразы из сцены в шалаше: в начале свидания «*... ну скорей, что ли*» и в заключении: «*Вы, говорят, в Субботино ездили. Там поп дешево поросят продает. Правда ай нет?*» [Пелевин 2021: 170]. Нужно отметить, что образ пелевинской Аксиньи из более раннего романа «t» также напоминает бунинскую крестьянку из «Митиной любви» и степень развязности, и игривыми ин-

тонациями «смешливого голоска»: «Аль не ндравлюсь?» [Пелевин 2009: 79]. Герой романа «t» граф Толстой выражает недовольство навязанной ему сценой интимного свидания с Аксиньей. Вездесущий руководитель коллективного написания книги Ариэль Брахман – пародийная авторская маска – объясняет Толстому, что постельную сцену придумал соавтор Митенька, отвечающий за эротику и «непротивление злу насилием». Метафора книги как «рыночного симулякра» здесь реализуется полномасштабно: «Литературное творчество превратилось в искусство составления буквенных комбинаций, продающихся наилучшим образом» [Пелевин 2009: 89]. Книга – коллективный продукт группы высокооплачиваемых авторов, прописывающих ту или иную сцену, что создает эффект вечно длящейся симуляции. «Само понятие автора в прежнем смысле исчезло. Романы обычно пишутся бригадами специалистов, каждый из которых отвечает за отдельный аспект повествования. А затем сшитые вместе куски причёсывает редактор, чтобы они не смотрелись разнородно. Делают дракона, хе-хе» [Пелевин 2009: 90]. Об этом излюбленном приеме Пелевина удачно пошутила критик А. Наринская: «Авторство постоянно переходит из рук в руки...» [Наринская 2019].

Практически во всех романах В. Пелевина мы сталкиваемся с многочисленными автопародийными двойниками, и почти во всех случаях это писатели [Роднянская 2012]. В раннем сборнике рассказов «Жизнь насекомых» это ночные мотыльки Дима и Митя, в «Священной книге оборотня» – лиса-оборотень Адель-Ахули, в «S.N.U.F.F» – персонаж компьютерных игр орк Грым, в романе «t» – Ариэль Брахманов. Наконец, в антиутопии «TRANSHUMANISM INC.» это единственный классик, включенный в школьную программу, писатель-симулякр Шарабан-Мухлюев, мозг которого плавал в банкохранилище для олигархов. Этот классик ведет затяжную войну с «богатыми косметическими влиятельницами, комментирующими литературу», что прямо указывает на пелевинские «войны» с критиками. Ведь каждый роман Пелевина включает авторские остроумные и задири-

стые, порой даже резкие ответы критикам-оппонентам. Вспомним, что критики предполагали, что некоторые фрагменты текстов Пелевина напоминают литературные компиляции, которые создаются AI. Весьма иронично откликается на это предположение автор романа «TRANSHUMANISM INC»: «Говорили, что отличить нейросеть от настоящего Шарабан-Мухлюева просто – в аллегориях и метафорах искусственного интеллекта всегда присутствовала орально-анальная тематика, чтобы не сказать фиксация: обычный трюк слабенького AI, косящего под человеческий мозг» [Пелевин 2021: 43].

Затрепанная бумажная брошюра «Г.А. Шарабан-Мухлюев. Пятьсот Афоризмов о Творчестве» – образная вариация того, как замусорена сеть на тему «Пелевин». Многочисленные порталы и сайты, где тексты Пелевина представлены тотально и монументально, сильно растиражировали его афоризмы – яркий пример успешного литературного маркетинга и менеджмента.

Заключение

Итак, одна из ярких примет современной антиутопии – проблемно-тематический комплекс утраты культурного кода, традиционного для самоидентификации интеллигента, а также сюжетно-мотивный спектр трансформаций книжной культуры.

В антиутопии Т. Толстой «Кысь» в мире перерожденцев происходит и перерождение книги в фетиш, когда значимо не внутреннее содержание, а важен сам факт обладания и книгой, и властью. В антиутопиях В. Сорокина и В. Пелевина прозвучала мысль о том, что в мире, где господствуют NBIC-технологии [Афанасенко 2022], человечество находится под глобальным контролем, следовательно, нарастает опасность внешних манипуляций сознанием человека, разорвавшего связи с книжной культурой. Тексты этих антиутопий сотканы из трансформированных концептов, из симуляций и имитаций различных стилей и жанров, из узнаваемых культурных суррогатов и автопародий.

Литература

- Афанасенко, Я. А. Проект трансгуманизма: антропологическая составляющая NBIC-технологий / Я. А. Афанасенко, Т. Г. Чернова // Новые идеи в философии. – 2022. – № 9 (30). – С. 104–115.
- Ахматова, А. А. Сочинения : в 2 т. / А. А. Ахматова. – М. : Правда, 1990. – Т. 1. – 448 с.
- Богданова, О. В. Литературные стратегии Виктора Пелевина / О. В. Богданова, С. А. Кибальник, Л. В. Сафронова. – СПб. : Петрополис, 2008. – 182 с.
- Бодрийяр, Ж. Символический обмен и смерть / Ж. Бодрийяр. – М. : Добросвет, 2000. – 389 с.
- Воробьева, А. Н. Русская антиутопия XX – начала XXI веков в контексте мировой антиутопии : автореф. дис. ... д-ра филол. наук / Воробьева А. Н. – Саратов, 2009. – 48 с.
- Грибоедов, А. С. Сочинения / А. С. Грибоедов. – М. : Правда, 1986. – 430 с.
- Давыдова, Т. Т. Роман Т. Толстой «Кысь»: проблемы, образы героев, жанр, повествование / Т. Т. Давыдова // Русская словесность. – 2002. – № 6. – С. 25–31.
- Ильин, И. А. Собрание сочинений : в 10 т. Т. 3: Переписка двух Иванов (1927–1934) / И. А. Ильин. – М. : Русская книга, 2000. – 560 с.
- Ковтун, Н. В. Русская литературная утопия второй половины XX века : автореф. дис. ... д-ра филол. наук / Ковтун Н. В. – Томск, 2005. – 49 с.
- Комовская, Е. В. От утопии к антиутопии и постантиутопии (жанровая специфика романа Т. Толстой «Кысь») / Е. В. Комовская. – Текст : электронный // Концепт. – 2014. – № 07 (июль). – URL: <http://ekoncept.ru/2014/14184.htm> (дата обращения: 13.05.2024).

- Костенкова, В. В. Антиутопия начала XXI века в динамике жанровых трансформаций : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Костенко В. В. – Краснодар, 2019. – 27 с.
- Латынина, Ю. Л. Литературные истоки антиутопического жанра : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Латынина Ю. Л. – М., 1992. – 21 с.
- Набоков о Набокове и прочем: интервью, рецензии, эссе / сост., предисл., коммент., подбор иллюстрации Н. Г. Мельникова. – М. : Независимая Газета, 2002. – 704 с.
- Наринская, А. А. Пелевин без спойлеров. Рецензия на книгу «Искусство легких касаний» / А. А. Наринская. – Текст : электронный // Новая газета. – 2019. – № 93 от 23 августа. – URL: <https://novayagazeta.ru/articles/2019/08/22/81686-pelevin-bez-spoylerov> (дата обращения: 04.03.2024).
- Оробий, С. П. Антиутопии «нулевых» и холостые механизмы истории / С. П. Оробий // Современные проблемы науки и образования. – 2014. – № 4.
- Павлова, О. А. Русская литературная утопия 1900–1920-х в контексте отечественной культуры : автореф. дис. ... д-ра филол. наук / Павлова О. А. – Волгоград, 2006. – 44 с.
- Пелевин, В. О. t / В. О. Пелевин. – М. : Эксмо, 2009. – 384 с.
- Пелевин, В. О. TRANSHUMANISM INC. / В. О. Пелевин. – М. : Эксмо, 2021. – 225 с.
- Роднянская, И. Б. Сомелье Пелевин. И соглядатаи / И. Б. Роднянская. – Текст : электронный // Новый мир. – 2012. – № 10. – URL: https://magazines.gorky.media/novyi_mi/2012/10/somele-pelevin-i-soglyadatai.html (дата обращения: 04.03.2024).
- Русский проект исправления мира и художественное творчество XIX–XX веков : коллективная монография / Б. Ф. Егорov [и др.] ; отв. ред. Н. В. Ковтун ; М-во образования и науки Российской Федерации, Сибирский федеральный ун-т. – М. : Флинта ; Наука, 2011. – 400 с.
- Соколов, С. Палисандрия / С. Соколов. – Анн-Арбор : Ардис, 1985. – 296 с.
- Сорокин, В. Г. Манарага / В. Г. Сорокин. – М. : Corpus (ACT), 2017. – 160 с.
- Толстая, Т. Н. Кысь: Роман. Переиздание / Т. Н. Толстая. – М. : Подкова, 2001. – 384 с.
- Федянина, М. Е. «Символический обмен и смерть» Ж. Бодрийяра как пратекст «ДПП (НН)» В. Пелевина / М. Е. Федянина. – Текст : электронный // НЛО. – 2015. – № 132. – URL: https://www.nlobooks.ru/magazines/novoe_literaturnoe_obozrenie/132_nlo_2_2015/article/11369/ (дата обращения: 01.03.2024).
- Хлебников, В. Творения / В. Хлебников ; общая редакция и вступительная статья М. Я. Полякова ; составление, подготовка текста и комментарии В. П. Григорьева и А. Е. Парниса. – М. : Советский писатель, 1986. – 736 с.
- Эко, У. Поэтики Джойса / У. Эко. – СПб. : Симпозиум, 2003. – 496 с.

References

- Afanasenko, Ya. A., Chernova, T. G. (2022). Proekt transgumanizma: antropologicheskaya sostavlyayushchaya NBIC-tekhnologii [Project of Transhumanism: Anthropological Component of NBIC-technologies]. In *Novye idei v filosofii*. No. 9 (30), pp. 104–115.
- Akhmatova, A. A. (1990). *Sochineniya: v 2 t.* [Works, in 2 vols.]. Moscow, Pravda. Vol. 1. 448 p.
- Baudrillard, J. (2000). *Simvolicheskii obmen i smert'* [Symbolic Exchange and Death]. Moscow, Dobrosvet. 389 p.
- Bogdanova, O. V., Kibalnik, S. A., Safronova, L. V. (2008). *Literaturnye strategii Viktora Pelevina* [Literary Strategies of Victor Pelevin]. Saint Petersburg, Petropolis. 182 p.
- Davydova, T. T. (2002). Roman T. Tolstoi «Kys'»: problemy, obrazy geroev, zhanr, povestvovanie [Tolstoy's Novel "Kys": Problems, Characters, Genre, Narrative]. In *Russkaya slovesnost'*. No. 6, pp. 25–31.
- Egorov, B. F. et al. (2011). *Russkii proekt ispravleniya mira i khudozhestvennoe tvorchestvo XIX–XX vekov* [The Russian Project of Correcting the World and Artistic Creativity of the 19th–20th Centuries]. Moscow, Flinta, Nauka. 400 p.
- Eko, U. (2003). *Poetiki Dzhoisa* [Joyce's Poetics]. Saint Petersburg, Simpozium. 496 p.
- Fedyanina, M. E. (2015). «Simvolicheskii obmen i smert'» Zh. Bodriiyara kak pratekst «DPP (NN)» V. Pelevina [“Symbolic Exchange and Death” by J. Baudrillard as a Pratekst of “DTP (NN)” V. Pelevin]. In *NLO*. No. 132. URL: https://www.nlobooks.ru/magazines/novoe_literaturnoe_obozrenie/132_nlo_2_2015/article/11369/ (mode of access: 01.03.2024).
- Griboedov, A. S. (1986). *Sochineniya* [Works]. Moscow, Pravda. 430 p.
- Ilyin, I. A. (2000). *Sobranie sochinenii: v 10 t. T. 3: Perepiska dvukh Ivanov (1927–1934)* [Collected Works, in 10 vols. Vol. 3: Correspondence of Two Ivan (1927–1934)]. Moscow, Russkaya kniga. 560 p.
- Khlebnikov, V. (1986). *Tvoreniya* [Creations]. Moscow, Sovetskii pisatel'. 736 p.
- Komovskaya, E. V. (2014). Ot utopii k antiutopii i postantiutopii (zhanrovaya spetsifika romana T. Tolstoi «Kys'») [From Utopia to Dystopia and Postantiutopia (Genre Specificity of T. Tolstoy's Novel "Kys")]. In *Kontsept*. No. 07. URL: <http://ekontsept.ru/2014/14184.htm> (mode of access: 13.05.2024).
- Kostenkova, V. V. (2019). *Antiutopiya nachala XXI veka v dinamike zhanrovyykh transformatsii* [Dystopia of the Beginning of the 21st Century in the Dynamics of Genre Transformations]. Avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Krasnodar. 27 p.
- Kovtun, N. V. (2005). *Russkaya literaturnaya utopiya vtoroi poloviny XX veka* [Russian Literary Utopia of the Second Half of the 20th Century]. Avtoref. dis. ... d-ra filol. nauk. Tomsk. 49 p.
- Latynina, Yu. L. (1992). *Literaturnye istoki antiutopicheskogo zhanra* [The Literary Origins of the Dystopian Genre]. Avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Moscow. 21 p.

Melnikov, N. G. (Ed.). (2002). *Nabokov o Nabokove i prochem: interv'yu, retsenzii, esse* [Nabokov about Nabokov and Other Things: Interviews, Reviews, Essays]. Moscow, Nezavisimaya Gazeta. 704 p.

Narinskaya, A. A. (2019). Pelevin bez spoilerov. Retenziya na knigu «Iskusstvo legkikh kasanii» [Pelevin without Spoilers. Review of the book “The Art of Light Touches”]. In *Novaya gazeta*. No. 93. URL: <https://novayagazeta.ru/articles/2019/08/22/81686-pelevin-bez-spylerov> (mode of access: 04.03.2024).

Oroby, S. P. (2014). Antiutopii «nulevykh» i kholostye mekhanizmy istorii [Dystopias of the “Noughties” and Idle Mechanisms of History]. In *Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya*. No. 4.

Pavlova, O. A. (2006). *Russkaya literaturnaya utopiya 1900–1920-kh v kontekste otechestvennoi kul'tury* [Russian Literary Utopia of the 1900–1920s in the Context of Russian Culture]. Avtoref. dis. ... d-ra filol. nauk. Volgograd. 44 p.

Pelevin, V. O. (2009). *t [t]*. Moscow, Eksmo. 384 p.

Pelevin, V. O. (2021). *TRANSHUMANISM INC.* [TRANSHUMANISM INC.]. Moscow, Eksmo. 225 p.

Rodnyanskaya, I. B. (2012). Somel'e Pelevin. I soglyadatai [Sommelier Pelevin. And Co-conspirators]. In *Novyi mir*. No. 10. URL: https://magazines.gorky.media/novyi_mi/2012/10/somele-pelevin-i-soglyadatai.html (mode of access: 04.03.2024).

Sokolov, S. (1985). *Palisandriya* [Palisandria]. Ann-Arbor, Ardis. 296 p.

Sorokin, V. G. (2017). *Manaraga* [Manaraga]. Moscow, Corpus (AST). 160 p.

Tolstaya, T. N. (2001). *Kys: Roman. Pereizdanie* [Kys: A Novel. Reissue]. Moscow, Podkova. 384 p.

Vorobyeva, A. N. (2009). *Russkaya antiutopiya XX – nachala XXI vekov v kontekste mirovoi antiutopii* [Russian Dystopia of the 20th – Early 21st Centuries in the Context of World Dystopia]. Avtoref. dis. ... d-ra filol. nauk. Saratov. 48 p.

Данные об авторе

Блищ Наталья Леонидовна – доктор филологических наук, профессор, Университет МГУ-ППИ в Шэньчжэнь (Шэньчжэнь, КНР).

Адрес: 518172, КНР, провинция Гуандун, г. Шэньчжэнь, район Лунган, Даюньсиньчэн, ул. Гоцзидасюэюань, 1.

E-mail: blishch@list.ru.

Author's information

Blishch Natallia Leonidovna – Doctor of Philology, Professor, Shenzhen MSU-BIT University (Shenzhen, PRC).

Дата поступления: 14.03.2024; дата публикации: 24.06.2024

Date of receipt: 14.03.2024; date of publication: 24.06.2024